

ски перед нами тезис о преобладающем значении этнического самосознания как ведущего признака этноса. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в своей первоначальной форме эта идея была высказана Ян Куном задолго до того, как она получила всестороннее обоснование в работах советских этнографов.

Знакомясь с книгами Ян Куна, невольно думаешь о том, что восстановление контактов между учеными СССР и КНР, взаимный обмен их творческими достижениями будет во многом способствовать нашему общему движению вперед, к более глубокому познанию законов развития этнических общностей человечества.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Этническая ономастика/Отв. ред. Джарылгасинова Р. Ш. и Никонов В. А. М.: Наука, 1984. 192 с.

Рецензируемый сборник, как и многочисленные научные публикации Группы ономастики Института этнографии АН СССР, получившие высокие оценки в советской и зарубежной литературе, содержит статьи, авторы которых стремились показать значение материалов ономастики для решения коренных проблем этнографии. В книге помещено 30 статей исследователей из 14 городов (в том числе совместная статья аспиранта Института этнографии АН СССР из Шри Ланки М. У. Раманаяка и В. И. Кочнева), посвященных этнонимии, антропонимии, топонимии и теонимии.

Раздел «Этнонимия» открывается статьей М. В. Крюкова «„Люди“, „настоящие люди“ (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний)». Автор высказывает принципиально важную мысль, что категория самоназваний, семантически восходящих к словам со значением «человек», «люди», «настоящие люди», должна быть признана «бесспорно универсальной в том смысле, что этнические самоназвания такого типа характерны для многих народов, совершенно различных по своему происхождению» (с. 7). В родовом обществе этническое самосознание еще не оформилось, а так как оно представляет «наиболее существенный признак этноса», то этнос еще не сформировался. М. В. Крюков утверждает, что возникновение самоназваний типа «люди», «настоящие люди» отражает этническое самосознание, окончательно выделившееся из первоначальной совокупности представлений человека о его принадлежности к некой социальной группе. Исторически подобные самоназвания действительно следует отнести к наиболее раннему слою этнонимов (с. 11—12).

По мнению автора, этническое самосознание и этнос впервые появляются после разложения родовой организации. Тезис о том, что этнонимы «люди», «настоящие люди» были первыми этническими самоназваниями, чрезвычайно важен и, конечно, гораздо шире пределов ономастики. Однако нельзя не отметить, что система доказательств автора несколько противоречива. В статье говорится, что «этническое самосознание не совпадает с родовым, ибо оно еще не оформилось, его еще нет». В то же время утверждает, что «на определенном этапе развития общества этническое самосознание, отличное (разрядка моя. — А. К.) от осознания принадлежности к тому или иному родственному коллективу, вообще не существовало» (с. 11). Таким образом, М. В. Крюков по сути соглашается с тем, что в родовом обществе было этническое самосознание, совпадавшее с осознанием принадлежности к родственному коллективу, а это с формально-логической точки зрения противоречит предыдущей мысли. По существу же концепция М. В. Крюкова не объясняет следующего: если племя только социальная организация, то чем отличались друг от друга однотипные в социальном отношении племена?

Осознавая свою принадлежность к роду и принадлежность рода к племени, его члены отделяли себя от членов других, даже одноименных родов, не входящих в их племя, т. е. отличали себя от всех других племен именно принадлежностью к данному племени. В самосознании племени отражались не только социальные связи входящих в него родов. Типологически в первобытно-общинную эпоху родовая и племенная социальная организации были одинаковыми для всех человеческих коллективов. Последние разделялись не посредством социальных характеристик, а языком (диалектом), культурой (в широком смысле) и самосознанием, выраженным в самоназвании, т. е. признаками, существенными для этнической общности. Они характеризуют племя и ограничивают его от других однотипных в социальном отношении племен.

Новая версия о происхождении этнонима «башкир» исследуется в статье Н. А. Баскакова. Автор основывается на гипотезе, что башкиры формировались из кипчакского племени под значительным воздействием булгарского и угорского субстратов и находились в тесных генетических связях с хунно-булгарским племенем огуров-угоров-угров, известным на востоке тюркской эйкумены под именем огузов. В статье высказывается предположение, что этноним «башкир» означает «своияк огуров», «своияк угров» (с. 16).

Раздел «Этнонимия» содержит также интересные статьи А. Н. Лескинен—об этно-

нимии вьетов, Н. Г. Волковой — о названиях кумыков в кавказских языках, Н. Г. Деметер — об этнонимии цыган Европейской части СССР, В. А. Туголокова — о тунгусах и ламутах на северо-востоке Сибири, Е. И. Сидорова — об этнониме якутов «саха». Завершает раздел свод В. А. Никонова «Этнонимы Дальнего Востока», где приведены 107 этнонимов: из них, по мнению автора, только 41 имеет удовлетворительные этимологии, у 34 этимологии спорны, а 32 не имеют их совсем (с. 45). Работа В. А. Никонова содержит обильный фактический материал и интересные теоретические положения. Автор показывает факторы, затрудняющие интерпретацию исторической этнонимии. В статье подчеркивается необходимость учета при изучении этнонимов семантики их основы, словообразовательных и грамматических формантов. Объяснять этнонимы можно, только опираясь на сложные законы языка, а не посредством подбора «похожих слов» (с. 44—45). Если одному этнониму, говорит В. А. Никонов, предложены две удовлетворительные этимологии или более, значит, все, кроме одной, неверны или неверны все. Первый способ проверки адекватности этимологии — их сопоставление (с. 45). Некоторые параллели, приведенные в работе, сам автор с присущей ему добросовестностью расценивает всего лишь как «вопросы к будущим исследователям».

Раздел «Антропонимия» открывается статьей А. П. Володина, в которой впервые вводится в науку ительменские имена. Весьма интересны статьи З. П. Соколовой о процессах формирования и смешения хантов и манси на примере среднеобской территориальной группы хантов и Р. Ш. Джарылгасиновой об основных компонентах традиционной корейской антропонимии.

В указанном разделе помещены статьи, посвященные калмыцким личным именам (Р. Л. Сельвина), влиянию социальной организации на личные имена у сингалов (В. И. Кочнев, М. У. Раманаяка), личному имени у бирманцев (Г. Г. Стратанович), антропонимической модели тоба-батаков (Л. В. Никулина), лексико-семантической общности башкирской и казахской антропонимии (А. Шайхулов), бурятским личным именам (А. Г. Митрошкина), личным именам армян Абхазии (Т. Ф. Аристова), особенностям антропонимии дунган (М. Д. Савуров), эволюции комплекса ведических имен (Д. В. Деопик и А. А. Столяров), а также статья С. Г. Крыжановской о прозвищах, содержание, стиль и заголовок которой не совсем вписываются в настоящий сборник.

Раздел «Топонимия» открывается статьей К. Т. Бойко «О топонимии Кампучии». Автор приводит основные семантические группы топонимов из санскрита и пали, лаосских, вьетских, тайских и малайских топонимов.

Особого внимания в этом разделе заслуживает статья И. Г. Добродомова «Не „река“ — а „женщина“», имеющая подзаголовок «О достоверности топонимических этимологий». На примере этимологии названия реки Катунь автор показывает, что иногда даже серьезные авторы давали ошибочные сведения об отдельных этимологиях, особенно если они не критично относились к источникам (с. 139). Отказываясь от географической этимологии для речного названия «Катунь», И. Г. Добродомов предлагает вернуться к «весьма неосновательно и поспешно отброшенной этнографической этимологии (от возмечивающего эпитета с первичным значением „дама“»)». При этом автор настаивает на необходимости учитывать не только характер объекта, который получает название, но и характер общества, которое это название дает (с. 141). Последнее замечание представляется нам весьма ценным.

Этнопонимии как источник для изучения этнической истории посвящена статья Г. Д. Агаева. В статье Б.-Р. Логашовой рассматриваются тюркские топонимы Мазандрана-Горгана и Хорасана. Автор выделяет следующие географические названия: образованные от названий этнических групп, родов и племен; образованные от имен и прозвищ людей; связанные с географическими терминами; а также топонимы, образованные способами, не поддающимися типологизации. В указанной статье проведен также анализ лексико-семантического состава и лексико-грамматической структуры топонимов.

Л. Г. Гулиева рассматривает русскую топонимию в топонимической системе Азербайджана, возникшую в начале прошлого столетия в связи с переселением русских в Азербайджан. К русским топонимам автор относит названия, русские по происхождению и нерусские, но оформленные с помощью русских словообразовательных формантов.

Раздел «Теонимия» открывается статьей А. В. Сазанова «К изучению теонимии Боспорского царства», характеризующей историю теонима «Артемиды».

Исследование Л. С. Толстовой посвящено теониму «Томирис» («Тамир», «Томир», «Тамир» и другие его модификации). В глубокой древности он был для ряда народов весьма обширной территорией, по крайней мере от Восточного Средиземноморья, включая Закавказье и Месопотамию вплоть до Скифии и Приаралья, именем божества, возможно, одним из вариантов имени божества плодородия. Позднее указанный оним выступал в качестве имен жрецов и жриц этого божества или нарицательного названия жречества. Названные теонимы и происшедшие от них антропонимы отмечены у народов, говорящих на языках разных языковых семей (с. 167). Это позволяет поставить вопросы о культурных и религиозных взаимодействиях и в конечном итоге представить некоторые вопросы этногенеза многих народов указанного ареала.

Д. С. Дугаров в статье «Онгон Ягша» сделал попытку объяснить происхождение имени духа Ягша и названного в его честь игрища у бурят. По мнению автора, это название передали протобурятским племенам остатки тюркоязычных курьян, принявших участие в этногенезе бурят.

Заключаящая сборник статья Л. Р. Концевича посвящена мифу о Тангуне — первопродке корейцев и основателе первого государственного образования Древний Чосон. Этот миф занимает центральное место среди корейских архаических мифов о культурных героях.

В сборнике поднимается множество теоретических проблем (а некоторые поставлены впервые). Статьи существенно различаются по охвату материала и уровню самого анализа, так что оценка их не может быть однозначной.

В целом появление рецензируемого издания — важное событие в ономастике. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на терминологическую небрежность отдельных статей, особенно недопустимую при исследовании названий. Так, например, в одной и той же статье употребляются как синонимами термины «вьетнамцы», «вьеты», «собственно вьетнамцы», «вьетнамский этнос» (с. 18—23). Нам представляется, что следует различать народ, называющий себя вьетами, и государство Вьетнам. Вьетнамцами можно обозначать все население Вьетнама, прилагательное «вьетнамский» следует употреблять по отношению к ученым, деятелям культуры, политикам, воинам, рабочему классу и т. п. безотносительно к национальности. Когда же мы имеем в виду именно народ вьеты (кин), то нужно говорить о вьетском этносе, вьетской культуре, вьетском языке и т. д. Разумеется, эти соображения можно отнести и к другим народам, в том числе и к хмерам. Как, например, следует понимать фразу: «основную этническую группу Кампучии составляли камбоджийцы — потомки древних хмеров» (с. 135)? Как и в предыдущей статье, здесь употребляются названия «вьетнамцы», «вьетнамские топонимы», хотя по контексту следовало говорить о «вьетах» и «вьетских топонимах».

Специфика такого издания, как рассматриваемый сборник, не всегда позволяет авторам основательно аргументировать свои положения. И тем не менее надо думать, что поставленные здесь вопросы дадут толчок развитию творческой мысли исследователей в области ономастики.

А. И. Кузнецов

А. И. Тарасова. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М.: Наука, 1985. 344 с. с илл. (Серия «Русские путешественники и востоковеды»)

Написанная сотрудницей Института Дальнего Востока АН СССР А. И. Тарасовой книга о выдающемся исследователе Дальнего Востока, писателе яркого дарования В. К. Арсеньеве (1872—1930 гг.) заслуживает самого серьезного внимания как ценный вклад в историографию русской и советской этнографии, ибо значительное место в ней уделено анализу этнографического аспекта творческого наследия Арсеньева.

Из книги А. И. Тарасовой читатель получит исчерпывающую информацию о публикации трудов Арсеньева, о посвященной ему литературе — в виде предисловий к изданиям его произведений, а также статей и монографий, освещающих жизненный и творческий путь Арсеньева в целом или акцентирующих внимание на отдельных аспектах его научной деятельности (работы Ф. Ф. и Т. Ф. Аристовых, М. К. Азадовского, Н. Е. Кабанова, Г. Г. Пермякова, Н. М. Рогаяла, Т. В. Станюкович, Б. П. Полевого и А. М. Решетова, и др.), а также о все возрастающем с годами числе статей и заметок об Арсеньеве в журналах и газетах. Однако несмотря на то, что изучение деятельности Арсеньева ведется широким фронтом в течение более половины века, его творческое наследие далеко не освоено. Между «арсеньеведами» имеются разногласия как в датировке, так и в трактовке отдельных событий из жизни ученого и в оценке его сочинений. На этом фоне стихийности и фрагментарности ведущихся исследований появление рецензируемой книги представляется весьма значительным событием. Благодаря многолетней кропотливой работе в архивах, в частных собраниях, в библиотеках, музеях А. И. Тарасова выявила громадный новый материал. Это позволило ей осуществить беспрецедентный по широте и глубине анализ творческого наследия Арсеньева (включая неопубликованные работы) и всей литературы о нем — мемуарной, биографической, исследовательской, результаты которого освещены в первом — историографическом разделе книги (с. 9—59). Критический склад ума и ревностный поиск истины, обнаруженные в архивах новейшие данные позволили А. И. Тарасовой заметить ошибки и неточности, встречающиеся в работах не только позднейших исследователей, но и современников Арсеньева, его спутников по путешествиям, коллег и родных.

Следующий раздел (с. 60—100) книги знакомит читателя с судьбой личного архива В. К. Арсеньева¹. В третьем разделе (с. 101—215) даются обстоятельный обзор и оценка научного значения всех совершенных Арсеньевым экспедиций. Последний раздел (с. 216—285) посвящен этнографическим исследованиям Арсеньева.

Сделанный автором обзор этнографического наследия В. К. Арсеньева является по существу подробно аннотированным каталогом, включающим помимо известных работ ученого и основательно забытые, ставшие библиографической редкостью, а также неопубликованные статьи и материалы — экспедиционные дневники, словарные записи, записные книжки, карты, рисунки, фотографии (с точным указанием их нынешнего местонахождения). К великому сожалению, рукопись книги «Страна Удэхе», над которой многие годы работал В. К. Арсеньев, до сих пор найти не удалось. Но и сохранившиеся со-

¹ Обработанный А. И. Тарасовой в 1972 г. в Приморском филиале Географического общества СССР во Владивостоке личный фонд В. К. Арсеньева (424 единицы хранения) был позднее передан в архив ГО СССР в Ленинграде.